

КОНЦЕРТНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

МУЗЫКА НАВЕКИ ЖИВАЯ

По традиции Ленинградский концертный зал открыл свой новый сезон концертом из сочинений Шостаковича. В прежние годы на афише со знакомым и дорогим его портретом значилось «авторский концерт», ныне же — «вечер памяти композитора». Совсем недавно ушел от нас Дмитрий Дмитриевич, ушел в бессмертие...

Звучит его музыка. И с неугасающей болью расставания соединяются удивление и преклонение перед необычайным величием постигшей героической творческой жизни гениального художника. Сейчас с особой сосредоточенностью вслушиваемся мы в эту музыку.

Концерт после прочувствованного вступительного слова Л. Энтелеса начался исполнением Трио. В русской музыке существует традиция — произведения этого жанра создавались в память о больших музыкантах. Шостакович посвятил Трио памяти выдающегося советского музыковеда, близкого своего друга И. И. Соллертинского. Произведение создано в 1944 году, и содержание его уже тогда воспринималось шире, нежели выражение личного горя. Оно невольно связывалось с драматическими коллизиями войны. Ныне, в перспективе минувших с той поры десятилетий, образный смысл Трио представляется еще более многообразным: как столкновение радости с несчастьем, добра с бесчеловечностью, жизни со смертью. Две первые части, одна — элегическая, другая — действительная, блещущая задором и огнем, олицетворяют полноту жизни. Но во всем сумрачных и неумолимых аккордов, словно приговор, вводят в иную сферу — глубокой скорби и страдания. Особенно потрясает финал, где соединяются отчаянный пляс и стелание — возникает своеобразный «танец смерти». В выражении страдания заключен и гневный протест против него, и, когда снова возвращаются мерные аккорды, они словно бы с усилием преграждают дорогу образам разрушения и бед.

Драматическая диалектика жизни и смерти не раз была воплощена композитором в плане грандиозного столкновения миров — как в легендарной Седьмой, Ленинградской симфонии, то в плане глубокого лирического сосредоточения на внутренней жизни личности — как в прозвучавшем на вечере последнем, Пятнадцатом квартете. Теперь сочинение это воспринимается как прощальное напутствие. В удивительной этой музыке, проникнутой единым, очень медленным движением и единым общим характером сдержанной печали, композитор, осознав неизбежность конца, словно бы призывает нас сосредоточиться в жизни на том, что составляет ее красоту, гармонию, этическое благородство.

Огромная творческая энергия, заключенная в таких произведениях, обладает чудодейственным свойством рождать художественный порыв в тех, кто с ними соприкасается. Речь сейчас идет об интерпретаторах обоих сочинений. Трио было проникновенно исполнено профессорами Ленинградской консерватории П. Серебряковым, М. Вайманом и А. Лазько, причем воссоздание характера каждого из образов сочеталось со стремлением достичь гармонии целого, быть может (как это было в финале), даже за счет некоторого смягчения резких контрастов. Пят-

надцатый квартет был сыгран артистами Государственного квартета имени Танеева — В. Овчарком, Г. Луцким, В. Соловьевым и И. Левинзоном — с той эмоциональной наполненностью, которая создавала иллюзию, будто протяженный многочастный цикл длится лишь несколько мгновений.

Очень своеобразно прозвучали ранние фортепианные прелюдии Шостаковича в исполнении Павла Серебрякова. Привычной у других пианистов стала их интерпретация, отмеченная ироничностью, обнаруживающая и даже утрирующая намеренную, подраживающую угловатость мелодических линий и остроту гармоний. Серебряков отобрал из двадцати четырех прелюдий семь, преимущественно лирического характера, и трактовал их как воспоминания далекой юности, трогательные, забавные, чуть размытые временем.

Два вокальных цикла, включенные в программу концерта, на стихи Александра Блока и Марины Цветаевой принадлежат к сочинениям последних лет. Глубоко и мудро постигал Шостакович отечественную поэзию. Осуществляя перевод стихов на язык музыки, он находил для каждого из поэтов свой круг интонаций, свои звуковые краски, свою духовную атмосферу. Впрочем, он никогда не преображался в «переводимого» поэта, не растворялся в нем: собственный голос композитора всегда звучал отчетливо и убеждающе, соединяясь с голосом поэта, усиливая в стихах те мотивы, которые для него, Шостаковича, были самыми важными. Как правило, это мотивы нравственные: ответственность человека за жизнь, за любовь, за произнесенное слово, за людские судьбы, высокое предназначение художника, его верность своему историческому долгу. В романтически-красивых, живописно-образных и трепетных блоковских романсах, в строгих цветаевских эти мотивы выражены несхоже, но с равной художественной убедительностью, в одном «этическом ракурсе».

Оба цикла были достойно интерпретированы. В Сюите на стихи Блока вокальную партию одухотворенно, продемонстрировав высокую культуру осмысления, произведения распетого поэтического слова, исполнила К. Изотова. В чутком ансамбле с нею выступили П. Серебряков, М. Вайман и А. Лазько. «Шесть стихотворений Марины Цветаевой» запечатлелись в памяти многих такими, как они прозвучали на премьере в исполнении певицы И. Богачевой и пианистки С. Вакман. То была интерпретация, отмеченная величавой простотой, подчеркивавшей в поэтических монологах пророческие интонации. На этот раз цикл пела другая прекрасная певица Е. Гороховская, выступившая в дуэте с пианисткой И. Головневой. Здесь в звучании стихов и музыки было больше мягкости, трепетности, непосредственности, и такое прочтение цикла также оказалось глубоко впечатляющим.

Двумя концертами из сочинений Д. Д. Шостаковича открыла свой Малый зал Ленинградская консерватория. Консерватория навсегда сохранит благодарную память о своем славном выпускнике и педагоге, создателе композиторской школы. Не будет забыто и то, как в военную пору Дмитрий Дмитриевич дежурил на крыше, спасая свою alma mater от фаши-

стских зажигалок, и то, как, уже живя в Москве, в шестидесятые годы профессор Шостакович приезжал сюда, чтобы заниматься с аспирантами. Безмерно много сделал Шостакович для Консерватории — с признательностью говорил об этом во вступительном слове профессор Г. Тиграпов.

В первом, камерном вечере была повторена часть репертуара, прозвучавшего накануне в Концертном зале. В программе следующего дня была хоровая и симфоническая музыка композитора. Первое отделение составили Во семь баллад о Ленине — «Верность» на стихи Е. Долматовского. Этим сочинением была продолжена в творчестве Шостаковича линия, идущая от ранних симфоний. С редкостным мастерством рисует композитор объемные, исполненные динамики картины исторических битв. Во множестве психологических штрихов создается музыкальный портрет вождя революции. В исполнении Баллад наряду с мужским хором студентов Консерватории (руководитель — профессор А. Михайлов) приняла участие хоровая группа Краснознаменного ансамбля Северо-Западного пограничного округа (руководитель — Ю. Петухов). Под управлением дирижера Т. Хитровой цикл о Ленине прозвучал приподнято, ансамблево слаженно. Радовали аясная дикция, выразительная фразировка.

Во втором отделении прозвучала Десятая симфония. Среди симфоний Шостаковича эта — одна из самых сложных и грандиозных. Человеческая жизнь, исполненная борьбы, страстей, тягостных и светлых раздумий и воспоминаний и неуклонного стремления вперед, — «сюжетный» остов симфонии. Но в жизни героя отражаются также судьбы его современников, его народа. Проникнутое русской песенностью, по-театральному рельефное в обрисовке противоборствующих сил, это сочинение, пожалуй, ближе других традициям лирико-драматического симфонизма Чайковского. Для исполнения Десятая представляет большие трудности: общая протяженность (более двадцати минут дается лишь первая часть), грандиозные нарастания, обилие тончайших выразительных деталей, а главное — напряженные образные контрасты. Достичь единства и гармонии всех этих элементов — задача под стать зрелым музыкантам. И то, что студенческий оркестр Консерватории с этой задачей в целом успешно справился, — свидетельство и высокого уровня профессиональной подготовки, и того воодушевления, которое рождала в молодых артистах гениальная музыка.

Симфония была исполнена под управлением Юрия Серебрякова. Это было самое удачное из слышанных мною выступлений дирижера. Его внимание было сосредоточено прежде всего на крупных линиях, на общем плане. Он дирижировал в этот раз убежденно, с эмоциональной увлеченностью — и зал был взволнован.

Сбор с обоих консерваторских концертов передан в Фонд мира. Сам акт этот — в духе принципов, которыми определялась деятельность Д. Д. Шостаковича. Он был, как известно, неутомимым борцом против угрозы новой войны. Идеи мира и счастья человечества определяли каждый его поступок, всю его жизнь, все его искусство.

М. БЯЛИК